

других источников. Так, например, в главе 2 книги I вставлен отрывок «из греческой истории» о происхождении арабов.⁴² В ряде случаев он дополняет текст, чтобы дать необходимые пояснения своему читателю. Так, Кантемир пишет: «Мухаммед крайнее благое полагает во внешнем и всем скотом общем чувстве. И своим воспоследователем...».⁴³ Софроний добавляет: «И на своите ученицы [сиреч турцы]».⁴⁴ Или, в приводимый Кантемиром перечень славянских народов: «славянский язык есть мати языка рускаго, польскаго, казацкаго, сербскаго, болгарскаго, ческаго и протчая»⁴⁵ Софроний добавляет еще два: «и боснянского и склавунского».⁴⁶ В ряде случаев Софроний совершенно очевидно вносит добавления в текст с целью беллетризовать изложение (например, вводит дополнительные подробности в характеристику мифологических персонажей, при описании отдельных событий и т. п.). Так, Кантемир рассказывает известный эпизод с Моисеем, когда фараон приказывает убить трехлетнего младенца за то, что тот при слугах непочтительно схватил его за бороду. Дочь фараона, полюбившая мальчика, напоминает отцу, что трехлетний младенец не может быть злоумышленником, так как у него нет разума. Чтобы убедить отца окончательно, она предлагает поставить перед ребенком блюдо с деньгами и жаровню с углями. Если она права, ребенок, привлеченный блеском огня, схватится за угли. Так и случается — маленький Моисей хватается угли руками и кладет их как яблоки в рот. «Чесо ради язык его так ожжеся, яко в совершенном возрасте не мог чисто глаголати».⁴⁷ Софроний добавляет: «И като начена да плачи отрочето жално, тогива фараон начена да са смеи и утеши гневь свой».⁴⁸ Здесь он доводит до конца развитие событий и характеристику психологического состояния действующих лиц. Этой же, по-видимому, потребностью беллетризовать текст объясняется большая вставка в конце 4-й главы VI книги⁴⁹ — рассказ о любви русской девушки к турецкому пленнику.⁵⁰

Несомненно, что художественные дополнения и вставки имели целью сделать текст книги Кантемира более занимательным для чтения, и вместе с тем усилить ее эмоциональное воздействие. Одна из интересных особенностей творчества Софрония заключается в том, что он выступает не только в качестве редактора-переводчика, но и одновременно как читатель. Это позволяет ему ввести дополнительные средства для усиления эмоционального воздействия. Софроний-читатель представлен ремарками в тексте и на полях, комментирующими содержание от первого лица, например: «Виждьтя лживое сказание мохамеданское, когии былъ Иовь, когии и былъ Амафия князь».⁵¹ По поводу легенды о Магомете разломавшем луну на две части, Софроний замечает: «Боже мой, бива ли тая работа, като е луната колко землята голяма, а да влезе у ракавам и да я приломи!».⁵² По поводу обещания магометанской религии дать каждому му-

⁴² Отрывок заканчивается словами. «Дозде есть от греческая история, и да наченем паки турецкая» (Пог. 1204, лл. 185, об.—187).

⁴³ Система, Предисловие, стр. 6.

⁴⁴ Пог. 1204, л. 4.

⁴⁵ Система, стр. 52.

⁴⁶ Пог. 1204, л. 250 об.

⁴⁷ Система, стр. 121.

⁴⁸ Пог. 1204, л. 221 об.

⁴⁹ «Повесть о погребении и поминании умерших мохаммеданских» (Пог. 1024, лл. 318 об.—319).

⁵⁰ См. ниже: «Приложение», стр. 274—275.

⁵¹ Пог. 1204, л. 225; ср. л. 198 об.; см.: П. Орешков. Автобиография, стр. 35—36.

⁵² Пог. 1204, л. 196 об.